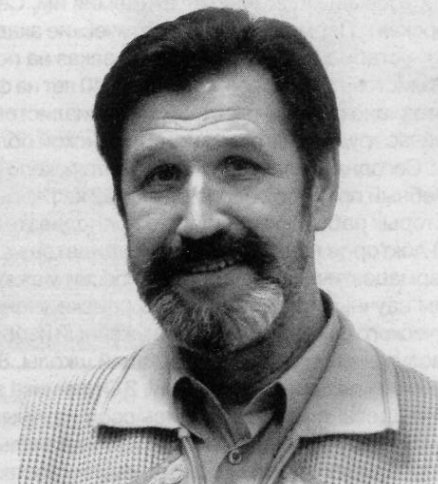

Истории с продолжением...

(Начало. Окончание в следующем номере)

Узник Тобольского централа

Ведущий рубрики
АНАТОЛИЙ СЕМЯЧКОВ,заместитель начальника
по экспертной работеТюменского областного бюро
судебно-медицинской экспертизы

рить эти вопросы по телефону с председателем трибунала, взбешённым расхлябанностью неподвластной ему медицины. Но накнулся на жёсткое: «Решу в заседании».

Пока я прохлаждаюсь в тюремного централа, мои коллеги в тюменском морге героически закрывают отпускную брешь, расширенную моим отсутствием. Пытаясь исправить положение, я вскопчил и без разрешения полковника заявил свое предложение об изменении последовательности судебного следствия. Председатель не терпящим возражений голосом сделал мне замечание за нарушение порядка в зале, заявив, что он уже вынес определение о порядке исследования доказательств и ничего менять не собирается. Моя выходка была пресечена в такой уничижительной форме, что я почувствовал себя маленьким беспомощным винтиком судебной машины. В обычном суде я бы психанул и, будучи полностью процессуально неправым, демонстративно покинул зал. Потом последовали бы неизбежные разборки, но особый негласный статус судебного медика удалось бы отстаивать. В данном случае это исключалось, так как выбраться из режимной зоны без разрешения этого солдафона невозможно: по отношению к участникам процесса он был главнее начальника тюрьмы.

Остаётся побег.

шения судебного медика.

Но преступления военнослужащих подведомственны военной юстиции, которая в мирное время, при отсутствии локальных конфликтов и армейских ЧП, просто изнывает от безделья. Следователь военной прокуратуры добросовестно и неоднократно допросил весь персонал тюрьмы, назначил все возможные экспертизы (судебно-медицинскую, баллистическую, трасологическую, психологическую, психиатрическую и пр.), провёл следственные эксперименты и проверки показаний на месте, изучил личность преступника, начиная с криминологических характеристик предков, и с учётом воспоминаний («Знаете, каким он парнем был?!») приятелей по песочнице в детском садике. Итог его кропотливого труда - семитомное дело возвышалось двумя неравными белыми башенками на столе перед председателем в трибунале полковником. Открыв судебное заседание, он заслушал доклад секретаря о явке в суд всех участников. Объяснил состав суда, разъяснил всем, в том числе и мне, права и обязанности. Установил порядок исследования доказательств, из которого следовало, что до меня очередь дойдёт в лучшем случае к концу следующего дня.

Возмущению моему не было предела. Да, в законе прописано присутствие эксперта с самого начала судебного следствия¹. Поэтому трибунал и не приступал без меня. Но если держать нас в судах, то некому будет выполнять текущую судебно-медицинскую работу. Осознавая это, суды приглашают экспертов очень редко, обходясь зачитыванием его заключения. Если же эксперт всё же необходим, то по телефону всегда согласовывается время прибытия, длительность работы в суде и вопросы, которые предстоит разрешить. Как правило, эта договорённость соблюдается. Наиболее галантные или «воспитанные» нами судьи обеспечивают эксперта транспортом «туда-обратно». По прибытии врача судья заканчивает, а то и прерывает текущее действие, например, допрос подсудимого, и переходит к работе с экспертом. Столь уважительное отношение к судебным медикам было привычным и само собой разумеющимся. В тюменской цейтнотной суматохе я попытался прогово-

до этого. Я томился у контрольно-пропускного пункта огромного замка, в который власти набивали в военные годы более двух тысяч заключённых, в ожидании пока весть обо мне от дежурного дойдёт до начальника страшного учреждения и вернётся обратно разрешением на доступ в режимный объект. Получив «добро», вслед за тюремным офицером иду длинными мрачными коридорами, мимо бесконечного ряда камер, обезображенных засовами, и постепенно пропитываюсь тем несравненным запахом, который присущ всем местам заключения. Не морщусь, чтобы не обидеть моего то ли конвоира, то ли охранника. Движемся с останками перед глухими решётками, разделёнными казематом на изолированные секции. Ключи от замков есть только у надзирателя блока, который по сигналу офицера пропускает нас дальше и сразу гремит за нашей спиной железом, запирая временно открывшийся проход. Только после этого распахивается следующая дверь. Незыблемое правило - две смежные двери не могут быть открыты одновременно. Удивительно, как при такой неукоснительно соблюдаемой системе из этого централа совершены легендарные побеги, память о которых бережно хранят в мельчайших подробностях поколения эзков и надзирателей.

Наконец мы добрались до просторного зальчика, выделенного под заседания трибунала. Судя по стендам, в нём проводятся политинформации и учебные занятия для тюремного персонала и военнослужащих.

Охраняли тюрьму внутренние войска МВД СССР. Солдат-первогодка разрядил по неосторожности автомат в живот своему товарищу, скончавшемуся на месте. Где-то рядом была оружейная комната, в которой и произошло убийство. Так что место преступления и место предстоящего вынесения приговора почти совпадали.

Само дело с юридической точки зрения не стоило выведенного яйца. Достаточно взглянуть на доставленного с гауптвахты обвиняемого солдата в наручниках, сидящего за некрашенной решёткой из толстого арматурного прута, под конвоем своих же товарищей. Мальчонка был потерян настолько, будто убийство произошло только вчера. Отец убийцы и мать погибшего сидели рядом. Смертельная забава детей не сделала их врагами.

Гражданская юстиция щёлкнула бы такое дело мигом и не поперхнувшись. Двухмесячное предварительное следствие родило бы томик уголовного дела, которое суд рассмотрел самое большее за полтора дня, ограничившись допросами подсудимого и непосредственных свидетелей. Остальные документы были бы только оглашены, в том числе экспертное заключение и без пригла-

Июль. Макушка лета. Жара, редкая для Тюмени. Половина сотрудников судебно-медицинской экспертизы в отпусках. Задыхаемся от рабочей перегрузки и духоты. С утра звонок из Тобольска. Военный трибунал, прибывший из Омска¹ в понедельник, не начинает рассмотрение дела об убийстве военнослужащего, труп которого вскрывал местный судебный медик. Второй день его не могут найти, чтобы вызвать в качестве эксперта.

Мчаться в Тобольск, когда в тюменском морге работы невпроворот, ну просто нет возможности. Набираю тобольскую судмедэкспертизу. Оказалось, что доктора ищут и без меня. Родственники, отчаявшиеся похоронить умерших, осадил морг, штурмуют горисполком и горком партии, всех, кто, по их мнению, обязан. Прокуратура, милиция и персонал морга вяло отбиваются от наседающих просителей. Без толку провисев весь вторник на телефоне, дозваниваясь к вечеру до знакомого тобольского оперативника Саши и прошу прояснить ситуацию. Через час, проведя розыскные мероприятия, он доложил конфиденциальный и безутешный результат. Как я и думал, «болезнь века»² вырвала без вести пропавшего Юрия Ивановича из наших ослабленных отпусками рядов. Тобольяки не первый раз страдали от этой вынужденной безысходности, трудно и привычно претерпевали ситуацию, не донося на единственного специалиста в Тюмень и не обращаясь к нам за помощью.

Другое дело - военная юстиция из соседней области. Ей нет никакого дела до наших, якобы, временных трудностей. На проходе снова Тобольск. Председатель военного трибунала командирским голосом объявляет мне ультиматум: «Если завтра утром на заседании не явится судебно-медицинский эксперт, то я возвращаюсь в Омск и докладываю о срыве судебного процесса по вашей вине в округ»³. Устрашённый предстоящей выволочкой от столь весомых, но неведомых мне и далёких начальников, радуюсь, что трибунальщик не догадался позвонить в облздравотдел Семовских⁴. Если бы это случилось, и Юрий Николаевич снизошёл до «беседы» со мной, то в Тобольск пришлось бы мчаться прямо из его кабинета. Ситуация складывалась тупиковая. Отступать некуда: заверяю трибунальского командора, что завтра в среду эксперт будет. Безо всякой надежды последний раз отзваниваю в тобольский морг. Получив ответ: «Нет, не появился», ныряю в спёртую духоту ночного поезда.

Трибунал заседал в знаменитой Тобольской тюрьме с более чем полуторавековой историей⁵. В другое время я непременно заинтересовался бы ею. Сейчас мне было не

¹ До 20.04.1986 г. Тюменская область была закреплена за военным трибуналом Омского гарнизона.

² В Советском Союзе, не знаям сегодняшнего разгула наркомании, ВИЧ и других половых инфекций, самым страшным в социальном отношении был алкоголизм.

³ Тюменская область входила в Сибирский военный округ, центром которого был Новосибирск.

⁴ Семовских Юрий Николаевич руководил здра-

воохранением «большой» Тюменской области в 1952-1983 годах.

⁵ Тобольская тюрьма (1809-1989). Современный вид приобрела в 1855 году по завершении строительства тюремного замка. В разные годы выполняла функции каторжной, центральной, пересыльной, специальной и пр. Закрывалась как учреждение ЯЦ-37.

⁶ Статья 268, 272 и 279 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (действовали до 1.07.2002).

Истории с продолжением...

(Окончание. Начало в предыдущем номере)

Узник Тобольского централа

Остаётся побег. Для организации оно решил по всем правилам «воровского» искусства изучить своего противника. Обратил внимание на манеру военного судьи вести процесс. Говорил он чётко, без малейшей запинки и как бы наизусть. Так работают роботы с их безграничной машинной памятью. Полковник незаметно косил глазом в сторону машинописного талмудика, лежащего перед ним, и изредка перелистывал его. Понаблюдав, догадался, что это что-то вроде сценария судебного следствия, который полковник выдерживал непреклонно. Остальные судьи вели процесс по упрощённой схеме, пропуская или подразумеваемая многие, казалось бы, формальные моменты. Не скажу, чтобы это была отрыжка «сталинских троек», скорых на расправу. Но элемент рационализма в такой минимизации был. Здесь же трибунальщик, в строгом соответствии с УПК, задался целью передопрощить весь гарнизон, гражданский персонал и администрацию тюрьмы, то есть повторить многомесячную работу военного следователя. Стало ясно, что он ни на йоту не отступит от накатанной и законной схемы.

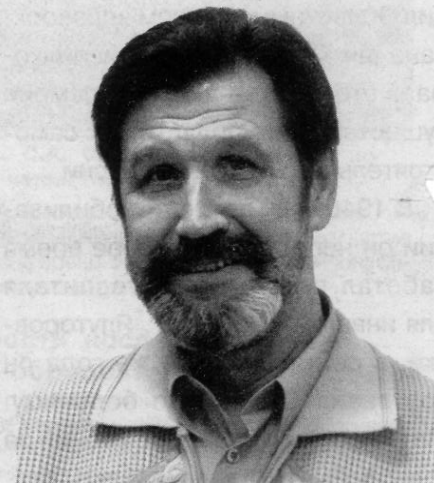
Тогда я переключился на поиск сообщника моего замысла. В качестве такового более всего подходил тюремный старшина, выполнявший роль связного между председателем и вызываемыми на допрос. Сегодня бы мы сказали, что он выполнял функции судебного пристава. Это был среднего роста, крепко сбитый мужчина (даже сквозь гимнастёрку проступал мышечный рельеф), с невыразительным, но подвижным лицом. Поведенчески напоминал Алексашу Меньшикова¹ в начале карьеры. Каждого, кто обращался к нему, он буквально ел глазами, демонстрируя полное внимание только к этому человеку. Но в его поведении была огромная разница, обусловленная положением обратившегося. Если это был старший по положению, например, военный прокурор, то он всем своим видом выказывал такое угождение, что обласканный его вниманием чин преисполнялся значимостью собственной персоны и просто млел от самолюбивого восторга. Если же это был солдат конвоя, юридически менявшегося около подсудимого, то лицо мигмом наливалось грозной свирепостью, крепкие кулаки сжимались ещё крепче. Того и глядя, если бы не посторонние, даст в морду. Даже свидетелей он приводил в зал по-разному. Если в двери первым появлялся старшина, то за ним неуверенно плёлся солдатик. Если офицер тюрьмы, то за ним чуть ли не маршировал подбострастный старшина. К нам гражданским и временным для него лицам, он занимал промежуточную, но довольно льстивую позу. Правда, после моей стычки с председательствующим, он, почувствовав во мне какую-то независимую силу, на всякий случай, поднял планку моего почитания. Каждую мизансцену он проигрывал мастерски и молниеносно переходил от одного состояния к другому.

Во время обеденного перерыва «свободные» участники процесса вышли в другую комнату, где угодник-старшина суетился вокруг крашенного в синий цвет стола, не прикрытого даже простышкой. В «люминевых» солдатских плошках по команде старшины были поданы первое, напоминавшее неудавшийся рассольник, и второе - хлебообразные котлеты с перловкой. Не сомневаюсь, что начальник тюрьмы мог накрыть за счёт общака царский обед, но не решился это, прознав через старшину о неприступном нраве трибунальщика. На третье старшина самолично запарил густейший чай. Я, уловив мгновение, когда полковник с прокурором вышли в коридор покурить, а старшина, угодливо согнувшись, подавал мне в деформированной кружке дымящийся кипяток, обратился к нему с вопросом: «Как выбратесь отсюда?». Он мигом сообразил в чём дело и скосил свои округлившись от возлагаемой на него ответственности глаза в сторону коридорной неплотно закрытой двери. При этом, молча отказывая мне, он был сама преданность. Только что хвостом не вилял. Я понял, что побег не состоится и придётся покориться солдафонской воле. С огорчения хлебнул обжигающего тюремного чайку. Слизистая оболочка рта с первого же глотка задубела так, что показалось - никогда более не доведётся мне ощутить вкус перца и водки. Впечатление было такое, что в таком плотном чифире будет плавать даже топор. Осторожно допил анестезирующий напиток под ласковым взглядом старшины, излучавшим счастье от доставленного мне удовольствия. По моей просьбе старшина выделил солдата для сопровождения в штаб, где я сообщил по телефону в тюменский морг о своём невольном плене. Товарищи мне, конечно, не поверили. Для них, вскрывавших по десяток трупов в день, я был предателем, слянявшим на курорт, хотя бы и тюремный. Тобольский морг по-прежнему осаждали рассвирепевшие родственники.

После обеда судебная тяготица продолжилась. В конце вечернего заседания неумолимое занудство принесло первые плоды. Сюрпризом явился вызов на допрос секретаря комсомольской организации воинской части, написавшей полгода назад по запросу следователя военной прокуратуры характеристику на обвиняемого. Оказалось, что секретарь судебного заседания, весь день строчившая протокол, и есть вызываемый на допрос комсорг. Полковника это озадачило ненадолго. Он объявил, что секретарь заседания, давшая положительную характеристику на убийцу, может быть заинтересована в результатах судебного рассмотрения в пользу подсудимого. На этом основании он решил аннулировать прошедшее заседание, заменить секретаря на другого и завтра начать судебное следствие с самого начала.

Если бы я смог взорваться, я бы взорвался: просидеть без толку целый день для того, чтобы завтра в четверг слушать дубль первого дня. На трибунку для выступающих попаду, возможно, в пятницу вечером. Заседание окончилось. Старшина, прожигая меня преданным взглядом, проводил к выходу из тюрьмы и выпустил через КПП на волю. Я рванул в тобольский морг, чтобы успеть до ночи вскрыть самые «скандальные» трупы. К моему удивлению, окна мертвецкой, окружённой измученными родственниками, приветливо светились. В секционном зале смиренно трудился временно одолевший «зелёного змия» Юрий Иванович. Не могу приводить свой монолог, состоявший из всех бранных слов, какие я только знал. Из-за ограниченного словарного запаса пришлось повториться. Вся эмоциональная отрицаловка, накопившаяся против председателя трибунала, вылетела из меня. В ответ доктор кротко молчал, вытаскивая органокомплекс из очередного трупа. Легальными словами отдал напоследок распоряжение: «Чтобы завтра утром был в трибунале, а то...!». А что «а то...!», я и сам не знал. Работать в морге и сейчас не рвутся, а тогда каждый труповскрыватель был дорог. Чего не скажешь в запальчивости?

Ночным поездом возвращался в Тюмень. Плацкартная духота и чифир, от которого сердце колотилось как у космонавта перед стартом, не давали уснуть. Перебирая в памяти прожитый день, вспомнил, как во время единственного судебного перерыва забрёл в солдатский туалет. На стене висел в деревянной рамке и под стеклом

отпечатанный на пишущей машинке «Табель оснащения»:

Швабра - 1

Ведро оцинкованное - 1

Ветошь - 1

Ответственный – ефрейтор Зиглов Н.Н.

Умилило, что бумага была заверена круглой печатью и утверждена командиром воинской части. Удивительно, что не командующим военным округом? Описать, учтивая даже половую тряпку, свидетельствовала о столь незыблемом порядке во внутренних войсках, что я проникся к нему уважением. И понял, что полковник является достойным элементом этой системы, в которой начинал когда-то с рядового. И поступать иначе он просто не может. Так состоялась моё заочное примирение с профессионалом высочайшей пробы.

В понедельник из Тюмени дозволился до тобольского морга. Меня заверили, что Юрий Иванович в воскресенье вскрыл все трупы, а сейчас с утра – в тюрьме. Положив трубку, я почувствовал ему. Сколько ещё дней придётся жить в таком изнурительном режиме, разрываясь между моргом и трибуналом? До очередного судебного сюрприза? Или пока у побеждённой зелёной гидры вновь не отрастут головы?

¹ Меньшиков Александр Данилович (1673-1729), начал при Петре I с продавца пирожками, дослужился до генералиссимуса и полного адмирала, стал богачейшим и светлейшим князем. Петр II лишил всего этого и сослал в Берёзово Сибирской губернии (ныне Ханты-Мансийский автономный округ).

ТМ

№ 9 (76), 23 мая 2006 г.

8